

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

XX (*).

Пребываніе императора въ главной квартирѣ у Траянова вала. — Взятіе Браилова. — Капитуляція второстепенныхъ турецкихъ крѣпостей. — Заботливость государя о призрѣніи раненыхъ. — Извѣстія, полученныя императоромъ изъ царства Польскаго. — Впечатлѣніе побѣдъ русскихъ войскъ на жителей Варшавы и Петербурга. — Письмо императрицы Александры Теодоровны.

Авангардъ третьяго корпуса, подъ начальствомъ генерала Ридигера, продолжалъ движеніе къ Траянову валу, который хотя и уцѣлѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не могъ уже служить Турціи оплотомъ противъ вторженія непріятельской арміи. Ридигеръ расположился здѣсь лагеремъ, но вслѣдъ затѣмъ, съ частію своихъ войскъ, выступилъ по направленію къ Кюстенджи. Эта крѣпость, возвышающаяся амфитеатромъ на морскомъ берегу, была укрѣплена весьма тщательно, защищаема трехтысячнымъ гарнизономъ, и турки, начинавшіе показываться небольшими отрядами въ окрестностяхъ, хотѣли, повидимому, отстоять ее стычками, при содѣйствіи крѣпостныхъ орудій. Стычки возобновлялись въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и поддерживались застрѣльщиками, занимавшими окружающія Кюстенджи высоты; но это не помѣшало генералу Ридигеру выдвинуть свои передовые посты въ недалекомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ и построить батарею на пятьдесятъ орудій большаго калибра, которыя должны были открыть огонь въ присутствіи императора.

Изъ Бабадага, положеніе котораго въ прекрасной долинѣ

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., ММ 10—12, и 1868 г., ММ 1, 3—7.

чрезвычайно благопріятствовало помѣщенію здѣсь раненыхъ, императорская главная квартира была перенесена сначала въ Бендаудъ, разрушенную и опустѣлую болгарскую деревню, потомъ, 4-го іюня, на берега живописнаго Ташаульскаго озера, въ окрестностяхъ котораго, на широкой равнинѣ, была расположена русская кавалерія. Палатки императорскаго лагеря были раскинуты на вершинѣ горы, господствовавшей надъ мѣстностію, оживленною роскошною растительностію. Ночью разразилась сильнѣйшая гроза съ вѣтромъ и опрокинула палатки; лошади, испуганныя громомъ и ослѣпительною молніей, шарахнулись, порвали коновязи и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ; солдаты проснулись въ лужахъ воды.... Громовые удары слѣдовали одинъ за другимъ съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, тысячекратно повторяемые горными эхо, какъ будто непріятель обстрѣливалъ главную квартиру сотнями артилерійскихъ орудій.... Грозныя явленія природы всегда порождаютъ чувство безотчетнаго страха и невольнаго смущенія въ душахъ самыхъ твердыхъ; такъ и въ эту страшно-величавую бурю солдаты думали видѣть конецъ міра, и только присутствіе императора успокоивало и ободряло войска.

5-го іюня главная императорская квартира была перенесена въ Траянову валу, позади лагеря генерала Ридигера. Государь, не слѣзая съ лошади послѣ сдѣланнаго перехода, тотчасъ же поѣхалъ осматривать осадныя работы подъ Кюстенджини и присутствовать при демаскированіи батарей, бросившихъ при немъ первыя бомбы въ крѣпость. На возвратномъ пути въ главную квартиру, его величество встрѣтилъ полковника Библикова, адъютанта великаго князя Михаила, который, во весь опоръ, покрытый грязью и пылью, прискакалъ изъ Браилова.

— „Благодареніе Богу! Браиловъ нашъ!“ воскликнулъ императоръ, обнимая радостнаго вѣстника.

И, не дождавшись разсказа подробностей о взятіи этой крѣпости, поспѣшилъ въ палатку графа Витгенштейна.

— „Богъ съ нами, фельдмаршалъ!“—произнесъ государь съ чувствомъ.— „Великій князь взялъ Браиловъ. Успѣхъ важный, и мнѣ кажется, что султанъ будетъ пресить миръ“.

— „Ваше величество,“ отвѣчалъ Витгенштейнъ, „взятіе Браилова дѣлаетъ величайшую честь его императорскому вы-

сочеству, но я не думаю, чтобы война кончилась скоро; и даже опасаясь, что мы не управимся съ турками въ одну кампанію“.

— „Ахъ, фельдмаршалъ!“ возразилъ императоръ съ грустію: „на насъ обоихъ лежитъ тяжелая отвѣтственность. Не довольно побѣдить: надобно, сколько то возможно, беречь кровь нашихъ войскъ“.

Извѣстіе о взятіи Браилова быстро распространилось по лагерю. Обрадованные солдаты приблизились, съ криками ура, къ императорской палаткѣ. Государь вышелъ къ нимъ съ фельдмаршаломъ.

— „Ребята!“ сказалъ онъ: „я увѣренъ, что и вы, при случаѣ, отличитесь такъ же, какъ отличились ваши товарищи подъ Браиловымъ. Вы конечно знаете, что слава этого важнаго дѣла принадлежитъ, большею частію, брату моему, великому князю Михаилу Павловичу“.

Раздались новые крики ура, въ которыхъ имя императора повторялось вмѣстѣ съ именемъ великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ его величество приказалъ отслужить благодарственный молебенъ, и, по окончаніи его, возвратился, съ полковникомъ Бибиковымъ, въ палатку, гдѣ вскрылъ и прочелъ письмо и донесеніе своего брата. Полковникъ Бибиковъ передалъ, съ своей стороны, всѣ обстоятельства, сопровождавшія сдачу Браилова.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня великій князь осматривалъ траншеи. Турки, усугубившіе свою энергію послѣ отбитаго приступа, дѣйствовали непрерывнымъ огнемъ по работамъ осаждающихъ, чтобы принудить ихъ къ отступленію; но войска, ободряемыя присутствіемъ царскаго брата, крѣпко держались на своихъ позиціяхъ подъ градомъ пуль, картечи, бомбъ и ядеръ. На разсвѣтъ, осадныя батареи, передъ тѣмъ умолкнувшія, возобновили бомбардированіе города; мина, не воспламенившаяся наканунѣ, вдругъ вспыхнула и взорвала цѣлый бастионъ: брешь оказалась проходимою и великій князь сдѣлалъ всѣ приготовленія къ новому приступу. Предполагалось произвести его ночью и войска уже собрались въ траншеяхъ, чтобы двинуться по первому сигналу; но осажденные стояли на сторожѣ и дѣятельно работали надъ исправленіемъ своихъ разрушенныхъ бастионовъ, пользуясь временнымъ отдыхомъ русскихъ батарей. Въ девять часовъ вечера осаждающіе бросили нѣсколько бомбъ, которыя освѣтили брешь, гдѣ столпилось значительное число турокъ; въ ту же минуту, на фронтѣ атаки,

завязалась живая перестрѣлка и можно было думать, что гарнизонъ готовится сдѣлать новую вылазку, вслѣдствіе чего баталіонъ Азовскаго полка, съ кавалерійскимъ резервомъ, былъ выдвинутъ впередъ, чтобы защитить траншею. Вылазки однако не послѣдовало. Напротивъ, огонь крѣпости вдругъ прекратился; осадныя батареи также замолчали, и войска разошлись по квартирамъ.

На другой день утромъ, при первыхъ приготовленіяхъ къ приступу, вышли изъ крѣпости десять парламентаровъ и предложили сдать ее въ десятидневный срокъ, если прежде того не придетъ помощь. Въмѣсто требуемыхъ десяти дней перемирія, великій князь согласился лишь на двадцать четыре часа, обѣщавъ гарнизону почетную капитуляцію, которую онъ заслужилъ мужественнымъ сопротивленіемъ.

Турки, понесшія большія потери, нуждались въ продовольствіи; они видѣли, что дальнѣйшая оборона становилась невозможною, и потому подчинились условіямъ, дозволявшимъ имъ удалиться съ военными почестями. На валахъ были выставлены бѣлыя знамена, а на другой день назначена сдача города Браилова побѣдителямъ.

Императоръ остался очень доволенъ извѣстіями, привезенными полковникомъ Бибиковымъ, и снова отправилъ его къ великому князю съ инструкціями, касавшимися не столько взятія Браилова, сколько продолженія военныхъ дѣйствій. Государь, предлагая его высочеству ускорить соединеніе съ третьимъ корпусомъ, увѣдомлялъ, что будетъ ожидать его у Траянова вала, прежде чѣмъ двинется на встрѣчу турецкой арміи, собиравшейся подъ Шумлою, какъ говорили, въ весьма значительныхъ силахъ. Рѣшено было также дожидаться сосредоточенія тѣхъ частей, которыя генераль Рудзевичъ отдѣлилъ для одновременнаго овладѣнія Мачиномъ, Гарсовою, Тульчею и Кюстенджи, такъ какъ неосторожно было бы оставлять эти крѣпости въ рукахъ турокъ. Надѣялись съ часу на часъ получить извѣстіе, что онѣ, подобно Мачину, или сдадутся, или будутъ взяты открытою силою. Въ ожиданіи сихъ извѣстій, императоръ провелъ шесть дней въ главной квартирѣ у Траянова вала. Въ этотъ промежутокъ времени его величество назначилъ генераль-маіора Берга генераль-квартирмейстеромъ второй арміи, на мѣсто князя Горчакова 2-го, получившаго въ командованіе 18-ю пѣхотную дивизію, и удостоилъ графа Вит-

генштейна лестнымъ рескриптомъ (отъ 9-го іюня), въ которомъ, по чувству благодушной деликатности, приписалъ лично ему всю честь главныхъ успѣховъ, достигнутыхъ съ открытія кампаніи. При рескриптѣ препровождены были фельдмаршалу алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Упомянутыя выше крѣпости хотя и были обложены одновременно, однако осада ихъ могла потребовать времени, да и прибытіе великаго князя съ седьмымъ корпусомъ должно было замедлиться нѣсколькими днями. По всѣмъ этимъ причинамъ, императоръ рѣшился перенести дальше впередъ свою главную квартиру. Кромѣ того, расположеніе части дѣйствующей арміи у Траянова вала, выгодное въ стратегическомъ смыслѣ, представляло въ санитарномъ отношеніи многія неудобства. Вода была нехорошаго свойства и въ маломъ количествѣ; изъ болотъ, поросшихъ тростникомъ, испарялись зловредныя міазмы; пастбища, еще не спаленныя солнцемъ, давали нездоровый кормъ тысячамъ воловъ, употреблявшихся на перевозку продовольствія и артилерійскихъ парковъ: эти животныя болѣли и падали во множествѣ; наконецъ, оказался недостатокъ въ фуражѣ, и лошади страдали въ особенности отъ маловодія. Къ довершенію всѣхъ невзгодъ, губительная болотная лихорадка стала свирѣпствовать подѣ влияніемъ сильныхъ жаровъ, и ежедневно большое число больныхъ было отправляемо въ госпитали исакинскій и бабадагскій. Распространялся даже слухъ, будто въ полевыхъ госпиталяхъ обнаружались случаи чумы.

На разсвѣтъ 12-го іюня лагерь былъ снятъ послѣшно и перенесенъ на полперехода за Траяновъ валъ, между Рассовою и Кюстенджи, на берега глубокой рѣки Карасу, по имени которой называлась и долина, гдѣ некрасовцамъ принадлежали обширныя селенія, представлявшія картину довольства и благосостоянія. Эта долина была гораздо здоровѣе, и потому императоръ приказалъ остаться здѣсь на нѣсколько дней, чтобы поправить состояніе здоровья войскъ третьяго пѣхотнаго корпуса.

Едва государь осмотрѣлъ новый лагерь при Карасу, какъ получилъ вѣстуху о скоромъ прибытіи конно-егерской дивизіи, которая прошла двѣ тысячи верстъ и теперь готова была присоединиться, съ двадцатью четырьмя орудіями, къ корпусу генерала Рудзевича. При осмотрѣ этой дивизіи, императоръ могъ удостовѣриться, что люди и лошади не потерпѣли отъ

далекаго пути, пройденнаго ими такъ скоро, что гвардейскіе полки, выступившіе изъ С.-Петербурга почти въ одно время съ конными егерями, не достигли еще Магилевской губерніи. Въ этотъ же день государь получилъ письма отъ великаго князя, заключающія въ себя любопытныя подробности о сдачѣ Браилова, и донесенія генераловъ Ридигера, Орлова, Мадатова о капитуляціи крѣпостей Гирсовы, Мачина и Кюстенджи.

Капитуляція Браилова была подписана въ ночь на 7-е іюня. Войска седьмаго пѣхотнаго корпуса тотчасъ же вступили чрезъ брешь въ цитадель, заняли батареи и городскія ворота. Гарнизонъ, получившій дозволеніе выйти съ тѣмъ оружіемъ, которое имѣлъ при себѣ, оставилъ въ крѣпости знамена, военные запасы, артилерію и остатки уцѣлѣвшей турецкой флотиліи. Конвой долженъ былъ сопровождать его до Силистріи; жители же имѣли право, въ восьмидневный срокъ, или послѣдовать за гарнизономъ, или остаться въ городѣ, гдѣ ихъ личная безопасность, имущество и вѣра были вполне обезпечены.

Выступленіе браиловскаго гарнизона началось утромъ 8-го іюня: тысяча пятьсотъ человѣкъ направились къ Силистріи подъ прикрытіемъ Пермскаго пѣхотнаго полка, и Солиманъ-паша, окруженный своими главными офицерами, лично представилъ великому князю ключи крѣпости. Этотъ несчастный паша, столь мужественно оборонявшій Браиловъ, имѣлъ неосторожность возвратиться въ Константинополь, чтобы оправдаться въ своемъ поведеніи; султанъ Махмудъ поступилъ съ нимъ такъ же, какъ съ обоими исакчинскими пашами: онъ приказалъ обезглавить его.

Порядокъ и спокойствіе ни на минуту не были нарушены въ городѣ; базары открылись, и можно было думать, что большая часть жителей рѣшилась не покидать свои жилища; но намѣренія ихъ измѣнились внезапно, вслѣдствіе приказаній, полученныхъ отъ турецкаго правительства: болѣе шестнадцати тысячъ обывателей, всякаго званія и возраста, двинулись къ Силистріи, конвоируемые русскими войсками. Въ Браиловѣ остались только больные, раненые, бездомные бѣдняки да евреи. Охраненіе города было возложено на Уфимскій пѣхотный полкъ и баталіонъ саперовъ. Этого было слишкомъ достаточно для опустѣвшаго города и для госпиталей, уже наполненныхъ больными и ранеными. Въ цитадели найдены 278 пушекъ, 17,000 пудовъ пороха, большое количество снаря-

довъ и богатые продовольственные магазины. Въ видѣ трофеевъ, великій князь отправилъ къ императору ключи крѣпости, 25 знаменъ и 12 флаговъ турецкой флотиліи, увѣдомивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что выступить съ седьмымъ пѣхотнымъ корпусомъ, лишъ только отправить послѣдній отдѣлъ защитниковъ и жителей Браилова.

Сдача Мачина предшествовала сдачѣ Браилова: еще 4-го іюня, Джафаръ-паша, комендантъ этой крѣпости, началъ переговоры съ полковникомъ Роговскимъ, начальствовавшимъ блокадными войсками; на другой день они подписали капитуляцію, въ силу которой гарнизонъ изъ 800 человекъ получилъ дозволеніе выйти, сложивъ оружіе на гласисѣ. Осаждающіе вступили, съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами, въ крѣпость, гдѣ нашли 74 пушки, 15 мортиръ и 5,000 пудовъ пороха, со всякаго рода запасами. Восемь турецкихъ канонирскихъ лодокъ, съ тридцатью однимъ орудіемъ, искавшихъ спасенія подъ стѣнами Мачина, также достались побѣдителямъ.

Блокада Гирсовы, продолжавшаяся семь дней, кончилась капитуляціей, на основаніи которой гарнизонъ получилъ право выступить, съ находившимся при немъ оружіемъ, въ Силистрію. Генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ, представляя императору ключи крѣпости и 14 найденныхъ въ нихъ знаменъ, объяснилъ, что обыватели не только не захотѣли воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ выѣхать въ Силистрію, напротивъ просили принять ихъ подъ русское владычество. Взятіе Гирсовы доставило побѣдителямъ 92 пушки, 6 мортиръ, 3,500 пудовъ пороха, 50,000 снарядовъ и большіе запасы продовольствія.

Городъ Кюстенджи сдался послѣ нѣсколькихъ дней блокады и бомбардированія, хотя сераскиръ Гусейнъ-паша, командовавшій турецкою арміей, сосредоточенной подъ Шумлою, прислалъ гарнизону приказаніе держаться до послѣдней крайности. Осажденные предпочли принять почетную капитуляцію и направиться на Базарджикъ, удержавъ при себѣ оружіе. Знамена пушки и снаряды остались въ крѣпости. Генераль Ридигеръ расположилъ въ крѣпости пѣхотный имени герцога Веллингтона полкъ.

Турки не выступили еще изъ Кюстенджи, какъ въ портъ уже вошли 26 купеческихъ кораблей, прибывшихъ изъ Одессы съ продовольственными запасами.

Обладаніе симъ портомъ, отнынѣ поставленнымъ въ ежедневное сообщеніе съ Одессою, обезпечивало въ будущемъ продовольствованіе арміи; кромѣ того, всякій день приходили въ лагерь третьяго корпуса обозы, не встрѣчавшіе на пути никакого сопротивленія, да некрасовцы доставляли въ изобиліи всякаго рода свѣжіе припасы. Тѣмъ не менѣе надлежало предвидѣть серьезныя затрудненія въ перевозкѣ продовольственныхъ запасовъ по мѣрѣ того, какъ усиливались жары и театръ войны отдалялся отъ русской границы.

Лишь только императоръ получилъ отъ генерала Ридигера извѣстіе о капитуляціи Кюстенджи, вмѣстѣ съ ключами и знаменами, какъ взялъ съ собою нѣсколько казаковъ, и, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа, поѣхалъ верхомъ къ этому городу, гдѣ намѣревался немедленно учредить госпитали и магазины. Проѣзжая въ галопъ по обширнымъ равнинамъ Добруджи, государь встрѣчалъ только турецкихъ дезертеровъ, убѣгавшихъ при его приближеніи, и некрасовцевъ, которые, не зная его въ лице и принимая за генерала, радушно привѣтствовали царя русскаго по-русски. Императоръ приказалъ бросать имъ деньги и былъ уже далеко, когда эти старовѣры, догадавшись, кто награждалъ ихъ такъ щедро, пали ницъ и молились за здоровье государя.

Устройство постоянныхъ госпиталей во всѣхъ тѣхъ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ назначалось оставлять русскій гарнизонъ, было въ эту минуту главною заботою императора. Онъ не только сердечно желалъ окружить самымъ тщательнымъ уходомъ 3,000 раненыхъ, поступившихъ въ полевые лазареты съ открытіемъ кампаніи, но хотѣлъ, чтобы и непріятельскіе раненые, брошенные безъ призрѣнія жестокосердыми турками, были пользаемы наравнѣ со своими собственными. Докторъ Вилье, главный инспекторъ по военно-медицинской части, представилъ его величеству нѣсколько весьма подробныхъ и мало-успокоительныхъ донесеній о состояніи военныхъ госпиталей въ Браиловъ, гдѣ число больныхъ превышало число раненыхъ. Чума, появившаяся во многихъ мѣстностяхъ черноморскаго побережья, хотя еще не обнаружилась, по крайней мѣрѣ несомнѣннымъ образомъ, на берегахъ Дуная, однако тѣмъ уже началъ собирать жертвы въ госпиталяхъ, и можно было опасаться, что эпидемія разовьется быстро съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ. Докторъ Вилье совѣтывалъ размѣ-

стить больныхъ какъ можно просторнѣе, т. е. учредить вездѣ постоянные госпитали. Онъ не скрылъ, что тифъ готовъ принять угрожающій характеръ и что чума, свирѣпствовавшая на большей части острововъ Архипелага и уничтожавшая египетскую армію въ Морей, можетъ быть занесена торговымъ судномъ въ Одессу или въ какой-нибудь другой русской портъ.

Встревоженный столь неутѣшительными вѣстями, государь повелѣлъ усилить карантинныя мѣры и принять всѣ предосторожности къ прегражденію пути страшнаго бича человѣчества. Мысли его величества постоянно обращались къ Одессѣ, гдѣ императрица пользовалась морскими купаньями. Въ этомъ новомъ городѣ не было еще такихъ обширныхъ и хорошо устроенныхъ военныхъ госпиталей, куда можно было бы отправлять для выздоровленія больныхъ и раненыхъ, которыхъ Виле хотѣлъ удалить изъ госпиталей дѣйствующей арміи прежде появленія эпидеміи. Заранѣе увѣренный, что общественная благотворительность не откажется содѣйствовать скорѣйшему устройству новаго госпиталя, для принятія въ случаѣ надобности нѣсколькихъ тысячъ больныхъ, императоръ, рескриптомъ отъ 12-го іюня, изъ главной квартиры при Карасу, поручилъ графу Воронцову пригласить жителей Одессы къ пожертвованіямъ на основаніе госпиталя. Одесцы отозвались на призывъ монарха съ самою горячею готовностію: въ три дня собраны были сотни тысячъ рублей. По примѣру Одессы, и другіе города южной Россіи поспѣшили принять участіе въ добровольныхъ пожертвованіяхъ. Комисія, составленная изъ городского головы, инспектора карантинныхъ, капитана надъ портомъ и изъ трехъ именитыхъ негоціантовъ, имѣла обязанностію принимать жертвуемыя суммы, выбрать мѣсто для постройки новаго военнаго госпиталя и немедленно приступить къ работамъ. Больныхъ же и раненыхъ, предназначенныхъ къ вывозу изъ Браилова и Бабадага, положено было размѣстить временно въ зданіяхъ карантина, приспособленныхъ для принятія ихъ въ числѣ отъ 1,200 до 1,500 человѣкъ.

Однако сосредоточеніе такого числа больныхъ въ городѣ, гдѣ имѣла пребываніе императрица, тревожило государя, и потому его величество старался незамѣтнымъ образомъ внушить ей мысль о необходимости перемѣнить мѣсто пребыванія и даже возвратиться въ С.-Петербургъ. Сначала императрица, переписывавшаяся съ августѣйшимъ супругомъ своимъ ске-

дневно, показывала видъ, что не догадывается о чемъ идетъ рѣчь, увѣдомляла о благотворномъ влияніи на ея здоровье пребыванія въ Одессѣ, но, впоследствии, исполняя желаніе государя, согласилась переѣхать на приморскую дачу барона Рено, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Одессы.

Во все время пребыванія своего въ дѣйствующей арміи, императоръ Николай Павловичъ не переставалъ ежедневно заниматься тѣми государственными дѣлами, которыя требовали непосредственнаго его участія. Текущими же правительственными дѣлами завѣдывала, въ его отсутствіе, какъ уже было сказано, императрица Марія Ѳеодоровна, которая вообще никогда не вмѣшивалась въ политическую администрацію имперіи и держала себя вдалекѣ отъ всякаго личнаго влиянія на правленіе. Но если, въ извѣстныхъ случаяхъ, державный сынъ обращался къ своей родительницѣ за совѣтами по государственнымъ вопросамъ, то она не отказывалась высказывать свое мнѣніе прямо и рѣшительно. Такъ, внявъ совѣту императрицы-матери, государь приказалъ прекратить слѣдствіе, продолжавшееся два года, по злоупотребленіямъ въ морскомъ вѣдомствѣ, именно по департаменту корабельныхъ лѣсовъ, и, наганувъ своего отъѣзда въ армію, подписалъ, въ этомъ смыслѣ, рескриптъ на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, графа Кочубея.

Императрица Марія Ѳеодоровна выражала свое мнѣніе и по дѣламъ царства Польскаго, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь Константинъ Павловичъ просилъ ее о томъ. Со времени послѣдняго пріѣзда цесаревича въ С.-Петербургъ, она неоднократно разговаривала со своимъ царственнымъ сыномъ о тѣхъ восьми полякахъ, которые, послѣ уничтоженія трудовъ первой слѣдственной комисіи о коноводахъ тайныхъ обществъ въ царствѣ, были отданы подъ верховный судъ; разговаривала не для того, конечно, чтобы ходатайствовать о государственныхъ преступникахъ, но для того, чтобы приготовить императора къ вѣроятной развязкѣ неприятнаго процесса, которому поляки придали характеръ національнаго протеста противъ Россіи и который могъ послужить торжествомъ и поощреніемъ для заговорщиковъ.

Великій князь Константинъ былъ и огорченъ и раздраженъ всѣми кознями крайнихъ партій въ царствѣ Польскомъ; тѣмъ не менѣе, въ виду общаго волненія, возбужденнаго процессомъ

восьми, онъ полагалъ, что скорѣе и вѣрнѣе всего можно успокоить тревожное направленіе умовъ умѣренностію со стороны императорскаго правительства. Самъ цесаревичъ не подавалъ впрочемъ совѣта императору въ такомъ смыслѣ; но онъ просилъ свою родительницу высказать это мнѣніе подъ своею личною ответственностію.

На первый разъ императоръ Николай Павловичъ хотя и не согласился съ мнѣніемъ, выраженнымъ императрицею-матерью, однако и не принялъ никакого окончательнаго рѣшенія, даже не выразилъ своего неудовольствія противъ многихъ членовъ сейма, которые, или по слабости, или по злонамѣренной оппозиціи, держали сторону заговорщиковъ. Государь уѣхалъ изъ С.-Петербурга до произнесенія приговора верховнымъ варшавскимъ трибуналомъ.

Пренія процесса, происходившія публично, цѣлый мѣсяцъ поддерживали напряженное вниманіе многочисленныхъ слушателей, преимущественно представителей польской аристократіи, и то жаркое сочувствіе къ подсудимымъ, которое проявляли въ самомъ судилищѣ судьи, адвокаты, свидѣтели и зрители, сообщалось и внѣ стѣнъ его всѣмъ сословіямъ.

Верховный трибуналъ дозволилъ обвиненнымъ выбрать себѣ защитниковъ изъ среды членовъ варшавской адвокатуры, а какъ большая часть этихъ защитниковъ принадлежала къ патріотическому обществу, которое предано было суду въ лицѣ восьми своихъ главныхъ представителей, то и не удивительно, что пренія получили въ высшей степени страстный отгѣнокъ. Сами подсудимые, своею экзальтаціей, крайностію своихъ политическихъ мнѣній, ожесточенными выходками противъ русскаго правительства, поддерживали собственную защиту. Они давали полную волю своимъ ослѣпленнымъ патріотическимъ изліяніямъ, и затронувъ эту чувствительную струну сами себѣ произнесли оправданіе. Хотя всѣ факты, всѣ показанія обнаруживали до очевидности ихъ преступность, однако судьи не нашли достаточныхъ доказательствъ ихъ вины и, за исключеніемъ одного члена, объявили единогласно, что подсудимые не виноваты въ государственной измѣнѣ. Единственный голосъ, протестовавшій противъ столь явнаго попранія правосудія, былъ голосъ генерала Винкентія Красинскаго, вице-президента трибунала. Красинскій не скрывалъ своихъ чувствъ предъ своими товарищами, и не разъ, во время засѣданій суда при

закрытыхъ дверяхъ, выражалъ сожалѣніе, что не можетъ оправдать виновныхъ, дѣйствовавшихъ подъ личиною патриотизма. Не предвидя однако, чтобы приговоръ могъ быть окончательнымъ оправданіемъ большинства подсудимыхъ, Красинскій предлагалъ поручить ихъ, послѣ приговора, милосердію царя.

Приговоръ, объявленный въ послѣднихъ числахъ мая при рукоплесканіяхъ всего собранія, былъ представленъ императору при донесеніи, въ которомъ Бѣлынскій, президентъ сената, дерзнулъ сказать, что, несмотря на два судопроизводства, имѣвшія въ результатъ обвиненіе подсудимыхъ, „онъ не можетъ найти преступленія тамъ, гдѣ видѣлъ, со стороны обвиненныхъ, только доказательства величайшихъ добродѣтелей“.

Великій князь Константинъ Павловичъ, огорченный столь безстыдно-наглою выходкою варшавскаго сената, и опасаясь послѣдствій гнѣва императора на все царство Польское, сочувствовавшее преступному потворству членовъ верховнаго суда, писалъ своему державному брату, что онъ, по данной ему власти, остановилъ обнародованіе приговора. Дѣйствительно, совѣтъ министровъ царства издалъ декретъ, контрагнированный статсъ-секретаремъ Возницкимъ, что обнародованіе приговора послѣдуетъ по утвержденіи онаго его императорскимъ величествомъ. Въ то же время цесаревичъ обратился еще разъ къ посредничеству императрицы-матери, прося ее приготовить государя къ помилованію и не возобновлять несчастнаго дѣла, возбуждавшаго въ царствѣ духъ оппозиціи и вражды противъ русскаго правительства.

Императоръ находился въ своей главной квартирѣ въ Бабадагѣ, когда получилъ, вмѣстѣ съ письмомъ цесаревича, донесеніе президента сената и приговоръ верховнаго суда. Рескриптомъ на имя великаго князя Константина, его величество уничтожилъ приговоръ, такъ какъ сеймовый трибуналъ, устранивъ отъ обвиненія главныхъ виновниковъ въ государственной измѣнѣ, долженъ бы былъ объявить себя некомпетентнымъ и передать дѣло въ обыкновенные суды, по точному смыслу статьи 152-й конституціонной хартіи царства Польскаго, возлагавшей на сенатъ только вѣдѣніе государственныхъ преступленій. Вслѣдствіе сего, дѣло имѣло вторично поступить въ верховный судъ, обязанный или произнести окончательный приговоръ или объявить свою некомпетентность. Государь по-

нималъ очень хорошо, что польская національность налегла всюю своею тяжестью на вѣсы правосудія, и что это былъ первый зародышъ той тайной интриги, которая, рано или поздно, готовилась провозгласить независимость Польши. Сначала его величество намѣревался строго поступить съ сенаторами, такъ дурно исполнившими свой долгъ по слабости, изъ страха или вслѣдствіе ослѣпленія; но, уступивъ мнѣнію цесаревича и просьбамъ императрицы-матери, ограничился объявленіемъ имъ своего крайняго неудовольствія чрезъ Валентина Соболевскаго, предсѣдателя совѣта министровъ царства.

Сенаторы, заслужившіе праведный гнѣвъ монарха, сдѣлались, между тѣмъ, предметомъ овацій ляховъ, а на генерала Красинскаго, подавшаго голосъ противъ восьми подсудимыхъ и не думавшаго оправдываться въ томъ, обрушились злоба и месть ярыхъ патриотовъ съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, что императоръ выразилъ ему свое удовольствіе. Въ то же время распространился слухъ о назначеніи Красинскаго намѣстникомъ царства. Чтобы заставить молчать своихъ противниковъ, генералъ призналъ нужнымъ обратиться къ его величеству съ почтительнѣйшею просьбою о томъ, что онъ не можетъ принять ничего, что походило бы на награду, потому что исполнилъ только свой долгъ. Друзья Красинскаго выбрали въ честь его медаль, съ надписью: „*вражданской доблести отъ поляковъ*“, послѣ чего общественное мнѣніе стало обнаруживать менѣе враждебныя чувства къ заслуженному генералу, и на всѣхъ улицахъ Варшавы появился его портретъ, съ выраженіемъ похвалы за мужественное поведеніе въ сеймовомъ судѣ. Само собою разумѣется, что революціонеры продолжали преслѣдовать Красинскаго гнусными клеветами и утверждать, что онъ купленъ Россіей.

Императоръ, уступая желанію генерала Красинскаго, не послалъ ему ни ордена, ни подарка, но написалъ собственноручное письмо, въ которомъ говорилъ, что настанетъ время, когда онъ будетъ награжденъ, рукою своего монарха, за строгое соблюденіе закона, за вѣрность присягѣ и за пренебреженіе дешевою популярностью. Вскорѣ потомъ великій князь Михаилъ Павловичъ подарилъ генералу на память драгоценный турецкій ятаганъ, взятый въ Брайковѣ. Вѣроятно, этотъ случай и послужилъ поводомъ къ слуху, будто генерала Красинскаго назначать на какой-нибудь постъ въ

войнѣ противъ Турціи; но въ тѣхъ частяхъ польскихъ войскъ (какъ и вообще во всей польской арміи), которыя были расположены на границахъ Галиціи, уже проявлялись слѣды работы тайныхъ обществъ, и процессъ восьми, возобновленія котораго поляки ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, нашелъ отголосокъ въ средѣ польскихъ офицеровъ и солдатъ.

Этотъ процессъ, въ которомъ преступныя дѣйствія виновныхъ прикрывались личиною патриотизма, а въ сущности основывались на своекорыстїи коноводовъ заговора, въ первый разъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, глубоко потрясъ самую чувствительную струну поляковъ. Благоразуміе требовало не давать новой пици недовольнымъ пересмотромъ дѣла и, для сохраненія спокойствія, принять мѣры предосторожности. Восемь главныхъ агитаторовъ, оправданныхъ верховнымъ судомъ, все еще содержались подъ стражею, не какъ осужденные, но какъ подсудимые, и даже спустя полгода, когда императоръ, уступивъ наконецъ просьбамъ и совѣтамъ родительницы и брата, согласился утвердить, съ извѣстными ограниченіями, приговоръ сеймоваго трибунала, не всѣ коноводы заговора были освобождены изъ-подъ ареста, продолжавшагося болѣе трехъ лѣтъ. Тѣ, которые принадлежали къ гражданскому сословію, получили свободу немедленно, и только остались подъ надзоромъ полиціи. Въ числѣ ихъ былъ и старый графъ Солтыкъ, который, будучи перевезенъ въ свое помѣстье, и здѣсь, разбитый параличемъ, чуть не полумертвый, продолжалъ упражняться въ преступныхъ козняхъ и заговорахъ. Неисправимый агитаторъ, злѣйшій врагъ Россіи, мечталъ о возможности воскресенія навѣки похороненной Ржечи Песполитой!... Что же касается до тѣхъ изъ восьми обвиненныхъ, которые служили въ войскахъ, и слѣдовательно подлежали военному суду, то они были содержимы въ казематахъ крѣпости Замостья.

Такого рода политическій процессъ очень естественно поглощалъ все вниманіе поляковъ, и потому въ царствѣ Польскомъ мало интересовались событіями кампаніи, въ которой собственно польская армія не принимала участія. Занятіе русскими войсками Молдавіи и Валахіи, переправа черезъ Дунай, взятіе Исакчи, Браилова, Мачина, Гирсовы, Кюстенджи, осада Анапы, движеніе императора къ Шумлѣ, всѣ эти событія возбуждали въ Варшавѣ не болѣе какъ любопытство и были принимаемы какъ обыкновенныя извѣстія.

За то, въ предѣлахъ имперіи, не было грамотнаго чело-
вѣка, который не слѣдилъ бы съ живѣйшимъ любопытствомъ,
за ходомъ военныхъ дѣйствій. Всѣ русскіе люди были увѣрены,
что война противъ турокъ, враговъ и гонителей христіанъ,
не можетъ кончиться иначе, какъ побѣдами и завоеваніями,
вспоминали при этомъ славныя времена вѣка Екатерины и
возлагали всѣ свои надежды на Бога да на царя православ-
наго, предводившаго христолюбивымъ воинствомъ. Церкви были
полны народа, когда совершались молебствія по случаю какой-
либо побѣды.

Первый благодарственный молебенъ былъ совершенъ 7-го
іюня, по полученіи извѣстія о взятіи Исагчи, въ церкви Таври-
ческаго Дворца, въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодо-
ровны, великой княгини Маріи Павловны, ея супруга, и до-
чери, принцесы Августы. Затѣмъ, по улицамъ столицы, вози-
ли, при звукахъ трубъ, двадцать пять знаменъ, отбитыхъ у
непріятеля, ключи крѣпости Исагчи, бунчуги двухъ пашей,
сдавшихся на капитуляцію, и знаки атамана запорожскихъ
казаковъ.

Спустя три дня было новое молебствіе по случаю сдачи
крѣпостей Мачина, Кюстенджи и Гирсовы, въ присутствіи им-
ператрицы-матери и великаго князя наслѣдника. Въ этотъ
день по улицамъ возили двадцать пять турецкихъ знаменъ и
ключи трехъ крѣпостей.

Молебствіе, по поводу взятія Браилова, было отслужено,
по назначенію императрицы Маріи Ѳеодоровны, 1-го іюля, въ
церкви св. Николая Чудотворца, которая не могла вмѣстить
въ себѣ множества народа всѣхъ сословій, собравшагося на об-
щее торжество со всѣхъ концовъ города.

Въ то время, когда въ Петербургъ приходили, одно за дру-
гимъ, извѣстія о быстрыхъ успѣхахъ дунайской арміи, импе-
ратрица-мать получила изъ Одессы письмо отъ императ-
рицы Александры Ѳеодоровны, въ которомъ, между прочимъ
было сказано:

„Жить такъ, какъ я живу теперь, не значитъ жить. При-
бытіе каждаго курьера отъ императора заставляеть сильно
биться мое сердце, и, прежде чѣмъ распечатать письмо, я
спрашиваю себя, не заключаетъ ли оно въ себѣ извѣстія о ка-
комъ-нибудь несчастіи. При появленіи въ морѣ каждаго корабля
подъ нашимъ флагомъ, идущаго изъ Кюстенджи или изъ дру-

гаго порта, занятаго нашими войсками, я ощущаю чувство страха, боюсь узнать о какомъ-либо роковомъ событіи. Да сохранить и помиловать насъ Господь! Война, дорогая шамамъ, ужасная вещь! Ядра и пули не щадятъ монарха, какъ и послѣдняго изъ его солдатъ, а вы знаете, что императоръ пренебрегаетъ опасностями. Но у меня есть и другаго рода душевныя тревоги: тифъ свирѣпствуетъ во всѣхъ нашихъ госпиталяхъ; увѣряютъ, что были даже случаи чумы“....

XXI.

Положеніе дѣлъ въ Константинополь.—Попытка французскаго посланника склонить Порту къ примиренію съ Россіей.—Мѣры, принятыя Махмудомъ къ отчаянной оборонѣ.—Декларация Порты.

Извѣстія о первыхъ успѣхахъ русской арміи не произвели въ Константинополь тѣхъ волненій, какихъ можно было бы ожидать отъ мусульманскаго фанатизма. Спокойствіе не было нарушено здѣсь и по полученіи почти одновременнаго извѣстія (2-го и 3-го мая) объ объявленіи войны императоромъ Николаемъ и о вступленіи русскихъ войскъ въ дунайскія княжества. Вечеромъ, 3-мая, происходилъ у главнаго муфти большой совѣтъ, на которомъ присутствовали всѣ министры и первостепенные улемы: рѣшено было единогласно отражать силу силою и защищать государство и исламъ. На другой день народу объявили о войнѣ прокламаціями, читанными, при звукахъ трубъ, на площадяхъ и въ мечетяхъ: всѣ правовѣрные подданные падишаха, бывшіе въ состояніи носить оружіе, приглашались записываться у начальниковъ кварталовъ и быть готовыми сразиться за коранъ. Константинопольскіе турки приняли призывъ къ войнѣ равнодушно, если не съ неудовольствіемъ, и желавшихъ стать подъ ружье оказалось очень мало; но татарскіе гонцы уже были разсланы къ пашамъ съ приказаніемъ вооружить жителей всѣхъ областей поголовно и принять надъ ними предводительство. Въ то же время приступлено было къ мѣрамъ предосторожности, имѣвшимъ цѣлю охранить столицу отъ нападенія съ моря: всѣ военныя суда, какія только могли быть снаряжены въ портъ, поступили подъ начальство Тагира-паши, чтобы запереть устье Босфора и входъ изъ Чернаго моря.

Нидерландскій посланникъ, на котораго возложено было офиціозное представительство Россіи въ Константинополь, убѣж-

даль рейсъ-эенди вступить въ примирительныя соглашенія съ русскимъ кабинетомъ, или признавъ торжественно условія акерманскаго трактата, или согласившись дать удовлетвореніе тремъ державамъ, подписавшимъ лондонскую конвенцію, или же принявъ европейское посредничество въ распрѣ между Портою и императоромъ Николаемъ. Рейсъ-эенди отвѣчалъ рѣшительно, что статьи акерманскаго трактата будутъ соблюдаемы Турціей въ точности, что мусульманская вѣра формально воспрещаетъ султану приступить къ лондонской конвенціи, но что турецкое правительство готово принять ее въ принципѣ и употребить всѣ мѣры къ достиженію сей цѣли. Что же касается Россіи, объявившей войну Портѣ, то она должна, сказала рейсъ-эенди, сдѣлать шагъ назадъ и остановиться на роковомъ пути. „Царь извлекъ мечъ изъ ноженъ!“ воскликнулъ турецкій министръ; „но пусть онъ не надѣется предписать намъ остріемъ этого меча условія унижительнаго мира. Сыны Магомета скорѣе погибнуть, чѣмъ согласятся жить въ позорѣ и въ униженіи. Не мы хотѣли войны, но мы счумѣемъ отстоять нашу честь и наши права!“

Въ тотъ же день рейсъ-эенди извѣстилъ иностранныхъ посланниковъ, остававшихся въ Константинополѣ, о непоколебимой рѣшимости султана испытать судьбу оружія противъ Россіи для поддержанія правъ отоманской имперіи и для охраненія мусульманской вѣры. Спустя нѣсколько дней, тотъ же турецкій министръ обратился, по совѣту австрійскаго интернунція, къ посланникамъ французскому и англійскому, возвратившимся въ Корфу, съ дружественною нотою, которою приглашалъ ихъ прибыть въ Константинополь и возобновить переговоры, выражая надежду, что эти переговоры могли кончиться только упроченіемъ дружбы и добраго согласія, столь давно существующихъ между Портою и дворами Франціи и Англій. Хотя въ нотѣ не упоминалось даже имени Россіи, однако рейсъ-эенди увѣрялъ, что онъ готовъ сдѣлать первый шагъ на пути примиренія, зная, что Франція и Англія болѣе всѣхъ заинтересованы въ сохраненіи достоинства и благосостоянія своей старинной союзницы, высокой Порты, и въ защитѣ ея самостоятельности противъ враговъ.

Оба посланника отклонили сдѣланное имъ приглашеніе возобновить переговоры безъ содѣйствія представителя Россіи. Графъ Гильемино, въ отвѣтъ, написанномъ имъ въ присут-

ствіи лорда Страфорда Канинга, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ возвратиться въ Константинополь до тѣхъ поръ, пока Порты не приметъ предложеній, предъявленныхъ дивану посланниками русскимъ, англійскимъ и имъ самимъ. Онъ объявилъ при этомъ, что хотя война, предпринятая Россіей по особеннымъ причинамъ, и не ослабила союза Франціи и Англій съ Портою Отоманскою, однако три союзныя державы рѣшились преслѣдовать коллективно цѣль ими предположенную, то есть умиротвореніе Греціи. Графъ Гильемино вновь обращался къ благоразумію турецкаго правительства и косвенно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно, совѣтовалъ ему доставить удовлетвореніе Россіи. „Поддержаніе Оттоманской Имперіи“—писалъ французскій посланникъ—„составляетъ предметъ искреннихъ желаній европейскихъ державъ; но осуществленіе сихъ желаній не въ ихъ волѣ: оно вполне зависитъ отъ самой Порты. Пусть правительство его высочества султана подумаетъ о недавнихъ и столь важныхъ ошибкахъ своей политики; пусть оно не закрываетъ глазъ отъ свѣта, и если совѣты безкорыстной дружбы, если уроки горькаго опыта не достаточны для убѣжденія его, то настроеніе умовъ подданныхъ султана пусть укажетъ ему на его обязанности и на путь, которымъ оно должно слѣдовать. Это вѣрное средство противъ дальнѣйшихъ ошибокъ“.

Совѣты французскаго посланника нисколько не подѣйствовали на Махмуда. Султанъ рѣшился, во чтобы то ни стало, вести оборонительную войну, къ которой готовился болѣе года; онъ ничего не измѣнилъ въ планѣ кампаніи, который уже началъ приводиться въ исполненіе: войска не были посланы въ дунайскія княжества, безпрепятственно занятыя русскими; неприятельской арміи не мѣшали подвигаться впередъ черезъ пустынные и зловредныя лѣтомъ равнины Добруджи; всѣ силы, которыми могла располагать европейская и азіятская Турціи, были двинуты на линію Балкановъ. Въ лагерѣ подъ Адриано-полемъ уже собралось до шестидесяти тысячъ человѣкъ, да болѣе пятидесяти тысячъ сосредоточилось подъ Шумлою. Главное начальство надъ всѣми турецкими войсками долженъ былъ принять великій визирь Мегметъ-Селимъ-паша; султанъ имѣлъ въ виду поднять священное знамя (санджакъ-шерифъ) и лично стать во главѣ правовѣрныхъ.

Въ ожиданіи этого, сераскиръ Гуссейнкъ-паша, считавшійся

способнѣйшимъ и неустрашимѣйшимъ между турецкими воеводами, отправился принять начальство надъ корпусомъ, собраннымъ подъ стѣнами Шумлы. Оборона Варны, крѣпости не менѣе важной и столько же сильной, такъ какъ она могла сопротивляться и съ суши и съ моря, была ввѣрена Юсуфу, бывшему пашѣ серескому, который заключился въ этомъ городѣ съ восемью тысячами албанцевъ прежде чѣмъ султанъ прислалъ сюда капудана-пашу Ицетъ-Мегмета.

Паши европейской и азіатской Турціи, получивъ повелѣніе поставить подъ ружье всѣхъ способныхъ къ службѣ людей, успѣшили исполнить волю падишаха. Старые беи Малой Азіи сами пришли со своими васалами и привели многочисленныя контингенты курдской конницы, которую предположено было употреблять преимущественно противъ казаковъ. Омеръ-Вроне, одинъ изъ опытнѣйшихъ предводителей турецкой арміи, явился въ лагерь подъ Шумлою съ десятью тысячами албанцевъ. Паша виддинскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ, успѣшно имъ набранныхъ, и своими частыми вторженіями въ Валахію тревожилъ и утомлялъ расположенный здѣсь отрядъ генераль-маіора барона Гейсмара, который однако постоянно отражалъ и прогонялъ турокъ.

Изъ всѣхъ областей, подчиненныхъ Портѣ, только Сербія да Боснія дурно отвѣчали на призывъ султана и хотѣли, по видимому, ограничить свое содѣйствіе наблюдательнымъ и выжидательнымъ нейтралитетомъ. Въ Сербіи все сочувствіе страны принадлежало русскимъ, братьямъ по вѣрѣ, по происхожденію отъ общаго славянскаго корня и по политическимъ интересамъ. Князь Милошъ, поставленный въ крайне затруднительное положеніе между Турціей и Австріей, зорко за нимъ слѣдившими, уклонялся съ большимъ искусствомъ отъ исполненія приказаній турецкаго правительства, передаваемыхъ ему пашею бѣлградскимъ: онъ, правда, выставилъ небольшой отрядъ, но не выпускалъ его изъ Сербіи подъ предлогомъ, что войска были ему нужны для защиты страны отъ русскихъ. Босняки же, хотя и мусульмане, не хотѣли подчиняться военнымъ реформамъ и нововведеніямъ султана и, со времени истребленія янычаровъ, постоянно волновались. Въ лагерьъ при Сараевѣ вспыхнулъ открытый мятежъ, когда боснійскій губернаторъ приказалъ прочесть передъ войсками султанскій фирманъ, призы-

вавшій къ поголовному ополченію. Губернаторъ, со своею свитою, едва не былъ умерщвленъ, и спасся только тѣмъ, что успѣлъ запереться, съ тысячею человекъ оставшихся ему вѣрными, въ укрѣпленіи Тузла, гдѣ босняки осадили его. Хотя изъ Константинополя и прислали новаго пашу, болѣе примирительнаго и болѣе искуснаго, но и онъ, возстановивъ въ области кое-какой порядокъ, не могъ принудить босняковъ выставить контингентъ для подкрѣпленія турецкой арміи.

Когда всё приготовленія къ оборонительной войнѣ были кончены, турецкое правительство отвѣчало на вызовъ Россіи манифестомъ, разсланнымъ къ союзникамъ Перты. Въ ту пору на этотъ манифестъ смотрѣли какъ на одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ новой дипломатіи, духъ которой, какъ видно, турецкій диванъ понялъ хорошо. Прикрываясь личною умѣренности и угнетенной невинности, блистательная Порта перечислила всё свои жалобы на Россію, провозгласила, со всѣми атрибутами восточнаго краснорѣчія, о своей честности и о своей добросовѣстности, увѣряла, что „ни въ какомъ случаѣ, она не уклонялась отъ основныхъ началъ прямоты и справедливости, никогда, безъ законныхъ причинъ, не позволяла себѣ нарушать договоры съ дружественными и союзными державами, и, желая въ особенности выполнить свои официальные обязательства и требованія дружбы относительно сосѣдки своей Россіи, усердно старалась поддерживать полное согласіе съ нею, изъ уваженія къ праву сосѣдства“. Затѣмъ перечислены были поводы, заставившіе Россію нарушить миръ и объявить войну, и, по смыслу русской пословицы: „съ больной головы на здоровую“, всё вины, всё несправедливости, всё вѣроломства были перенесены на Россію!... Россія нарушила бухарестскій трактатъ; Россія стремилась овладѣть Сербіей, Валахіей и Молдавіей; Россія возбудила греческое возстаніе; она же, естественный врагъ магометанской націи, хочетъ истребить исламъ; она, а не Турція, подписывала аскерманскій трактатъ, съ затаенною мыслию разорвать его, и она же четверть вѣка проявляла систематическое недоброжелательство къ высокой Портѣ!...

Ловко и хитро оправдывалось турецкое правительство во всѣхъ своихъ коварныхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, приказавъ закатить въ константинопольскомъ портѣ русскія суда, нагруженные пшеницею, и продавъ этотъ грузъ

по мѣстнымъ цѣнамъ, оно воспользовалось будто бы только своимъ правомъ и исполнило строгія правила блокады. А что касается до подстрекательства Персіи къ войнѣ съ Россіей, то ничего подобнаго никогда и не бывало. Напротивъ: „высокая Порта, занятая своими внутренними дѣлами, не только не возбуждала Персіи, но соблюдала строжайшій нейтралитетъ и вовсе не вмѣшивалась въ отношенія, мирныя и военныя, между обоими государствами“.... Съ рѣдкою беззащитностію похвалялось затѣмъ турецкое правительство, что не ввело ни одного солдата въ дунайскія княжества, даже когда Россія готовилась вступить въ нихъ, и избавило молдаванъ и валаховъ отъ бѣдствій войны, тогда какъ Россія поступила наоборотъ.

Въ заключеніе этого оригинальнаго своею наивностію дипломатическаго документа, предназначеннаго повліять глубоко на западно-европейскіе кабинеты, возвѣщалось торжественно, что Турція, сильная своимъ правомъ и увѣренная въ справедливости своего дѣла, рѣшилась защищаться и положить оружіе только тогда, когда прольетъ послѣднюю каплю своей крови.

Въ то время, когда Порта пустила въ ходъ свою замысловатую декларацію въ отвѣтъ на манифестъ императора Николая, Брайловъ еще держался, и турецкое правительство надѣялось, что энергическая оборона этой крѣпости остановитъ наступательное движеніе русской арміи, еще не переправившейся черезъ Дунай.

XXII.

Побѣдныя вѣсти, полученныя императоромъ Николаемъ въ лагерь при Карасу.—Движеніе къ Базарджику.—Первые признаки затруднительнаго положенія русской арміи.—Превосходное настроеніе духа войскъ.—Силистрія, Варна и Шумла.—Впечатлѣніе, произведенное на императора рекогносцировкой укрѣпленій Шумлы.—Противоположность мнѣній объ исходѣ кампаніи Витгенштейна и Дибича.—Слова, сказанныя императоромъ на военномъ совѣтѣ 7-го іюля.—Дѣло при Буланлыкъ.

Императоръ Николай ожидалъ со дня на день прибытія великаго князя Михаила и седьмаго пѣхотнаго корпуса, который, переправясь черезъ Дунай у Мачина, слѣдовалъ на соединеніе съ корпусомъ генерала Рудзевича. Авангардъ этого послѣдняго корпуса безъ выстрѣла занялъ, при дальнѣйшемъ своемъ движеніи, Мангалию и Кусгунъ, гоня передъ собою отступавшаго непріятеля, и направляясь къ Базарджику, гдѣ, по слухамъ, должно было начаться сопротивленіе турокъ. Къ Базард-

жику же подвигался, съ другой стороны, и генераль Ридигеръ, который прошелъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, обширныя равнины, простирающіяся отъ Траянова вала до этого города. Въ то же время отрядъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Гирсовѣ, вступилъ въ Черноводы, откуда всѣ жители удалились.

21-го іюня императоръ получилъ важное извѣстіе: 11-го числа сдалась крѣпость Анапа. Вице-адмиралъ Грейгъ прислалъ полковника графа Толстаго поднять его величеству ключи и флагъ крѣпости, вмѣстѣ съ донесеніемъ генераль-адъютанта князя Меншикова объ осадныхъ дѣйствіяхъ со времени побѣды, одержанной имъ 30-го мая.

Послѣ этой побѣды, всѣ сообщенія между Анапою и горцами были перерваны посредствомъ сильной циркувалаціонной линіи, пересѣкавшей мысъ, на которомъ построена крѣпость. Такъ какъ осадныя работы могли отнынѣ продолжаться безпрепятственно, то князь Меншиковъ быстро довелъ апроши до рововъ и пробилъ три бреши въ двухъ бастіонахъ и куртінѣ, которые онъ предположилъ взять приступомъ. Комендантъ крѣпости, Османъ-Оглу, получивъ въ послѣдній разъ предложеніе сдаться, требовалъ, чтобы ему было дозволено выйти съ оружіемъ и тяжестими, и угрожалъ обороняться до крайности, если откажутъ въ почетныхъ условіяхъ. Онъ, конечно, получилъ отказъ; но лишь только войска стали готовиться къ штурму, прислалъ парламентаровъ съ объявленіемъ о безусловной сдачѣ. Оказалось, что осажденные истощили всѣ средства сопротивленія въ теченіе сорокадневной осады и не имѣли ни продовольствія, ни снарядовъ. Гарнизонъ, состоявшій еще изъ 3,000 человекъ, долженъ былъ остаться военнопленнымъ со своимъ комендантомъ. Въ крѣпости найдены 85 орудій и цѣлые арсеналы для вооруженія горцевъ. Побѣдители вступили чрезъ брешь и заняли городъ, принявъ подъ свое покровительство жителей и ихъ собственность.

Взятіе Анапы имѣло тѣмъ большую важность, что отнынѣ эта крѣпость охраняла, по линіи Кубани, русскую територію отъ непрерывныхъ вторженій сопредѣльныхъ горцевъ, которые, рано или поздно, должны были признать надъ собою владычество Россіи.

Князь Меншиковъ, произведенный за взятіе Анапы въ вице-адмирала, получилъ приказаніе возвратиться въ главную квар-

тиру съ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, отдѣленными отъ третьяго пѣхотнаго корпуса; адмиралу Грейгу также было предписано привести возможно скорѣе свою эскадру на рейдъ Варны и блокировать съ моря эту крѣпость. Обложеніе ея съ суши императоръ поручилъ князю Меншикову.

Хотя въ Анапѣ былъ оставленъ достаточный гарнизонъ и верки ея исправлены, но въ сущности нечего было опасаться за эту крѣпость ни съ суши, ни съ моря, потому что Порта не могла послать туда флота, а кубанскіе горцы не умѣли и не смѣли предпринять правильную осаду. Анатолійская же армія султана имѣла передъ собою войска отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Въ тотъ день, когда полковникъ графъ Толстой привезъ извѣстіе о паденіи Анапы, прибылъ другой олигелъ-адъютантъ, полковникъ Реадъ, съ вѣстію о сдачѣ, наканунѣ, Тульчи генералъ-лейтенанту Ушакову, и привезъ восемь знаменъ, взятыхъ въ крѣпости, гдѣ турки оставили 91 орудіе и большіе продовольственные магазины.

Это пріятное извѣстіе совпало съ присылкою 12 флаговъ дунайской турецкой флотіи и послѣднихъ ключей Браилова, который, распоряженіями великаго князя Михаила, былъ приведенъ въ состояніе выдержать новую осаду. 22-го прибылъ, наконецъ, въ лагерь при Карасу великій князь, украшенный орденомъ св. Георгія второй степени, пожалованнымъ ему за взятіе Браилова. Радостно встрѣтилъ своего брата императоръ и неоднократно, со слезами, обнималъ его, при громкихъ восклицаніяхъ войскъ.

Императорская главная квартира и главная квартира второй арміи оставались въ лагерь при Карасу до 25-го іюня, чтобы дать время авангарду генералъ-лейтенанта Ридигера кончить движеніе къ Базарджику и соединиться подъ стѣнами этого города съ двумя отрядами, имѣвшими порученіе занять Мангалию и Кусгунъ. Отрядъ князя Мадатова, выступившій изъ Черноводъ, долженъ былъ держаться на высотѣ главныхъ силъ арміи, наблюдая мѣстность вдоль кайнарджійскаго дороги, между укрѣпленіемъ Докусугачемъ и Силистріей.

29-го іюня главная квартира расположилась въ недалекомъ разстояніи отъ Базарджика. Этотъ городъ, окруженный обширнымъ кладбищемъ и покинутый всѣми жителями, повсюду представлявшій картину запустѣнія и смерти, былъ занятъ

еще 25-го іюня казаками праваго фланга авангарда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Акинѣева. Казаки не нашли здѣсь ни капли годной къ употребленію воды, потому что турки, выходя отсюда, засыпали всѣ колодези и отравили фонтаны. На другой день турки вернулись въ Базарджикъ и вытѣснили казачій отрядъ, который расположилъ свои передовые посты за городомъ, на шумлинской дорогѣ; вслѣдъ затѣмъ густыя массы непріятельской конницы, стремительно атаковавшія казаковъ, заставили ихъ отступить въ безпорядкѣ. Къ счастью, казаки были вовремя и энергически поддержаны эскадрономъ бугскихъ улановъ и баталіономъ двадцатаго егерскаго полка, съ двумя орудіями.

Въ этотъ самый моментъ, головная часть авангарда генералъ-лейтенанта Ридигера показалась со стороны Мангалии, и турки, завидѣвъ вдали колонны пѣхоты, отступили торопливо. Можно было думать, что они отказались овладѣть вновь Базарджикомъ; однако, вечеромъ, ихъ конница, въ числѣ по крайней мѣрѣ восьми тысячъ, возобновила атаку и, уклонившись отъ одного егерскаго полка, построившагося въ каре, бросилась къ городу, куда и проникла со всѣхъ сторонъ. Турки не могли впрочемъ удержаться въ Базарджикѣ: выгнанные и обращенные въ бѣгство бугскими уланами, они были наведены на каре егерей, которые встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ. Непріятель заплатился двумястами убитыхъ, которыхъ не могъ унести вмѣстѣ со своими ранеными.

Такимъ образомъ Базарджикъ остался въ рукахъ побѣдителей, и хотя здѣсь не было никакихъ средствъ къ продовольствію, да и самое пребываніе въ опустѣломъ городѣ было столько же грустно, сколько нездорово, однако по положенію своему онъ представлялъ весьма важную позицію, командовавшую двумя дорогами, шумлинскою и варнекою.

Императоръ надѣялся, что флотъ адмирала Грейга не замедлитъ явиться передъ Варною и что бригада, находившаяся подъ начальствомъ князя Меншикова, въ состояніи будетъ скоро начать обложеніе крѣпости съ суши. Между тѣмъ его величество послалъ приказаніе генералъ-адъютанту графу Сухтелену приблизиться къ Варнѣ и расположиться подъ стѣнами крѣпости съ бригадою пѣхоты, семью эскадронами кавалеріи, тремя ротами піонеровъ и съ осадными батареями.

Въ это время, шестой корпусъ (генерала Рота), переправившійся черезъ Дунай при Гирсовѣ, шелъ въ Силистрію. Войска же седьмага пѣхотнаго корпуса, дѣйствовавшія подъ Браиловымъ, прибывали по частямъ и присоединялись къ войскамъ третьяго корпуса, которыхъ императоръ хотѣлъ самъ вести къ Шумлѣ. Не столько пули и ядра, сколько болѣзни произвели замѣтную убыль въ рядахъ седьмага корпуса, и люди пострадали менше отъ утомительныхъ трудовъ осады, нежели отъ долгаго и чрезвычайнаго изнурительнаго марша подъ знойнымъ солнцемъ, чрезъ страну обнаженную, безводную, лишенную всякой растительности и не представлявшую ни малѣйшаго укрытія.

Главная квартира находилась все еще въ окрестностяхъ Базарджика, гдѣ дѣйствующая армія ежедневно усиливалась тѣми отрядами, которые взяли Мачинъ, Гирсову и Тульчу. Кавалерійскій корпусъ послѣднимъ присоединился къ арміи. Несмотря на большія потери, понесенныя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, армія въ эту минуту все еще являла грозную силу, такъ что подъ стѣны Шумлы пришли отъ тридцати до сорока тысячъ человекъ помѣряться съ шестьюдесятью или восемьюдесятью тысячами турокъ. Правда, свѣдѣнія, доставленныя лазутчиками о громадныхъ складахъ сераскира Гуссейнъ-паши могли казаться преувеличенными; но, съ каждымъ днемъ, все яснѣе и яснѣе обозначался оборонительный планъ главнокомандующаго турецкою арміею. Онъ хотѣлъ завлечь русскихъ, между Варною, Шумлою и Силистріею, въ страну дикую, безводную, хотя и лѣсистую, перерѣзанную глубокими оврагами и пересѣкаемую узкими и крутыми тропинками, гдѣ артилерія и обозы встрѣчали безпрестанно почти неодолимые препятствія. Такая мѣстность вполне благопріятствовала партизанской войнѣ, и русская армія уже на маршѣ была тревожима конными бандами, которыя неожиданно налетали на ея фланги и исчезали прежде чѣмъ успѣвали преслѣдовать ихъ. Самое сопротивленіе, оказанное при постахъ на Дунаѣ и въ Добруджѣ, не имѣло со стороны турокъ другой цѣли, какъ дожидаться наступленія знойной поры, которая наипаче должна была затруднить военныя дѣйствія въ убійственномъ климатѣ, въ мѣстностяхъ нездоровыхъ и безплодныхъ.

Вотъ что начинали понимать тогда многие изъ опытныхъ и дальновидныхъ генераловъ и офицеровъ дѣйствующей арміи. Только начальникъ главнаго штаба, графъ Дибичъ, не пере-

ставалъ увѣрять императора въ несомнѣнномъ успѣхѣ кампаніи. Армія нуждалась въ подкрѣпленіяхъ, а между тѣмъ гвардейскій корпусъ, уже два мѣсяца бывшій въ походѣ, могъ прибыть не ранѣ послѣднихъ чиселъ августа. Жары доходили иногда до сорока трехъ градусовъ, и потому войска дѣлали переходы лишь раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ; воду надлежало привозить издалека; число больныхъ, быть можетъ, и не уменьшилось, но, отправляя ихъ въ Одессу вмѣстѣ съ ранеными, ослабили тѣмъ смертность въ полевыхъ лазаретахъ. Волы и лошади падали ежедневно въ огромномъ числѣ, хотя еще не было замѣтно, чтобы возрастающая трудность въ перевозочныхъ средствахъ препятствовала или замедляла доставку продовольствія.

Это обстоятельство составляло главную заботу императора. Довольный превосходнымъ устройствомъ подвижныхъ магазиновъ, государь изъявилъ свое благоволеніе генералъ-интенданту сенатору Абакумову въ весьма лестномъ рескриптѣ, при которомъ препровождалась золотая табакерка, съ портретомъ его величества и съ бриліантовыми украшеніями. Съ такою же заботливостію слѣдилъ императоръ и за состояніемъ военно-врачебной части: онъ весьма часто посѣщалъ походные госпитали и входилъ въ мельчайшія подробности о числѣ и положеніи больныхъ. Докторъ Вилье, съ неутомимымъ усердіемъ старавшійся выполнить повелѣнія монарха, вездѣ замѣнялъ, на сколько то было возможно, полевые лазареты постоянными госпиталами, и до сихъ поръ удачно боролся противъ распространенія тифа и вторженія чумы, которые уже свирѣпствовали въ дунайскихъ княжествахъ.

При столкновеніи всѣхъ такихъ неблагопріятныхъ условій, присутствіе императора въ арміи успокоивало и ободряло войска: начальники и солдаты были равно одушевлены воинственнымъ настроеніемъ; всѣ безропотно переносили трудности похода и нетерпѣливо желали встрѣтить непріятеля, который однако появлялся лишь на мгновеніе и тотчасъ же исчезалъ. Торопились придти подъ Шумлу, гдѣ надѣялись имѣть рѣшительное сраженіе.

Соревнованіе и энтузіазмъ были сильно возбуждаемы въ рядахъ арміи и во флотъ многочисленными наградами, которыя государь жаловалъ всѣмъ отличившимся съ открытія кампаніи: чины, ордена, золотыя шпаги и сабли были раздаваемы щедр-

рою рукою, но всегда съ рѣдкимъ чувствомъ справедливости. Не былъ забыть ни одинъ изъ тѣхъ, на кого указывалъ общій голосъ арміи, какъ на оказавшаго отличіе подъ Браиловымъ, подъ Исаакчею, подъ Анапою, подъ Кюстенджи и въ другихъ мѣстахъ. Не однихъ генераловъ и офицеровъ награждалъ государь: онъ награждалъ цѣлыя полки, жадуя имъ знаки отличія на кивера, знамена съ надписями, напоминавшими подвигъ, которымъ отличился тотъ или другой полкъ, серебряныя трубы и т. д. Въ приказѣ отъ 27-го іюня, отданномъ въ лагерѣ при Базарджикѣ, полки, блистательно окончившіе, въ предъидущемъ году, персидскую кампанію: Херсонскій и Грузинскій гренадерскіе, Эриванскій карабинерный, кавказская гренадерская артилерійская бригада и другіе были поименованы, какъ получившіе награды, рядомъ съ полками, отличившимися въ настоящую кампанію. Императоръ какъ бы желалъ соединить, подъ однимъ и тѣмъ же лавровымъ вѣнкомъ, обѣ войны, противъ персіянъ и противъ турокъ.

Въ главной квартирѣ при Курнали императоръ получилъ отъ тифлисскаго военнаго губернатора, генераль-адъютанта Сипягина, донесеніе объ открытіи графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ военныхъ дѣйствій въ азіатской Турціи и о тѣхъ распоряженіяхъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, которыя служили порукою за скорый и блистательный успѣхъ кампаніи. Сипягинъ доносилъ также, что сводный гвардейскій полкъ, находившійся въ Грузіи съ 1826 года, готовился къ выступленію въ С.-Петербургъ съ трофеями персидской войны, предназначенными для московской Оружейной Палаты и для Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ: это были золотой тронъ Аббаса-Мирзы, пушки, замѣчательныя въ какомъ-либо отношеніи, двѣ любопытныя историческія картины изъ Уджанскаго дворца, и взятая въ Ардебилѣ библіотечна, заключавшая въ себѣ драгоцѣннѣйшіе манускрипты Персіи.

Прежде нежели императоръ выѣхалъ изъ главной квартиры при Базарджикѣ, вокругъ котораго генераль Войновъ собиралъ дивизіи седьмаго пѣхотнаго корпуса, отряды авангарда уже начали свое одновременное движеніе. Генераль Ротъ шелъ къ Силистріи; генераль Корниловъ осаждалъ крѣпость Журжево, гарнизонъ которой защищался отчаянно и осада которой не прерывалась несмотря на массы пѣхоты и кавалеріи, атаковавшія передовые посты осаждающихъ. 30-го іюня генераль

Ридигеръ прибылъ въ Козлуджи, вступилъ сюда безпрепятственно, но вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ отражать восемь или десять тысячъ турокъ, ринувшихся на аванпосты. Непріятель былъ отбитъ съ большимъ урономъ и отступилъ въ безпорядкѣ. Генералъ Бенкендорфъ (Константинь), занявшій позицію при Кузгунѣ, съ бригадою пѣхоты и казачьимъ отрядомъ, расположился при Риссовѣ въ ожиданіи генерала Рота и для отраженія вылазокъ силистрийскаго гарнизона.

Полагали, что генералъ графъ Сухтеленъ прибудетъ подъ Варну 3-го или 4-го іюля въ тотъ моментъ, когда адмиралъ Грейгъ высадитъ, при Коварнѣ или при Мангалии, отрядъ князя Меншикова. 3-го іюля императоръ, въ главѣ 8-й дивизіи, перенесъ свою главную квартиру изъ Базарджика въ Ушенлы, а на другой день расположился близъ Козлуджи, занятаго Ридигеромъ. Седьмой корпусъ слѣдовалъ за императорскою квартирою эшелонами, въ одномъ или въ двухъ дняхъ перехода. Графъ Дибичъ, находившійся при этомъ корпусѣ, направилъ его влѣво, по прямой дорогѣ въ Константинополь; прочіе корпуса слѣдовали, съ разныхъ сторонъ, къ Шумлѣ, гдѣ непріятель сосредоточилъ свои главныя силы. Между тѣмъ авангардъ постоянно имѣлъ передъ собою отъ шести до восьми тысячъ турецкой конницы, которая, отступая, избѣгала даже простыхъ стычекъ и всегда держалась внѣ ружейнаго выстрѣла. Дорога была отвратительная; зной удушающій.

Генералъ-маіоръ Сысоевъ, съ летучимъ отрядомъ, занималъ рущукскую дорогу; генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ овладѣлъ Праводами и истребилъ турецкій конвой, сопровождавшій продовольственные запасы для Силистрии, уже обложившей корпусомъ Рота.

Изъ Козлуджи, императоръ, взявъ съ собою, кромѣ третьяго корпуса, егерскую дивизію и сто восемь орудій резервной артиллеріи, перенесъ главную квартиру въ Енибазаръ, куда прибылъ благополучно послѣ утомительнаго трехдневнаго марша. Сюда же слѣдовалъ и седьмой корпусъ.

Приближаясь въ Енибазару, гдѣ должно было послѣдовать сосредоточеніе дѣйствующихъ войскъ, императоръ, сопровождаемый своимъ штабомъ, поднялся на пригорокъ, откуда ясно можно было рассмотреть крутыя высоты, господствующія надъ Шумлою и замыкающія горизонтъ, линію укрѣпленій

на известковой мѣстности, охватывавшихъ городъ подобно бѣлой лентѣ, и оба лагера турецкой арміи, справа и слева охранявшіе крѣпость, которая, по справедливости, всегда считалась ключемъ Константинополя и была неодолимою послѣ многихъ безуспѣшныхъ осадъ, ею выдержанныхъ. Воспоминанія о прежнихъ попыткахъ овладѣть Шумлою и общій видъ этой твердыни, защищаемой, кромѣ стѣнъ и валовъ, значительными живыми силами, произвели на государя глубокое впечатлѣніе: онъ былъ задумчивъ и молчаливъ. Осмотрѣвъ позиціи, занятія непріателемъ, его величество приказалъ расположить свою главную квартиру у подошвы упомянутаго пригорка, въ обширной равнинѣ, на которой палатки русскаго авангарда тянулись до самыхъ турецкихъ аванпостовъ, такъ что передовые часовые того и другаго лагера не только могли видѣть другъ друга, но даже могли бы переговариваться.

Грусть и задумчивость императора были, конечно, замѣчны свидѣтелями первой, произведенной имъ самимъ, рекогносцировки непріятельскихъ силъ. Многие обвиняли въ неосторожности и непредусмотрительности начальника главнаго штаба: вѣруя безусловно въ успѣхъ своихъ стратегическихъ плановъ, Дибичъ подвергалъ, быть можетъ, русскую армію неудачѣ и въ то же время компрометировалъ военную репутацію своего государя, принуждая его, такъ сказать, дать сраженіе, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, непріятелю, который имѣлъ на своей сторонѣ и численный перевѣсъ и всѣ другія преимущества, потому что сражался въ собственной землѣ, подъ рукой своихъ средствъ и подъ валами грозной крѣпости. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что русская армія уже была утомлена двумя съ половиною мѣсяцами кампаніи, проведенными подъ вліяніемъ невыносимой температуры, и, въ эту минуту, не могла выставить противъ Гуссейна-паша болѣе тридцати-пяти тысячъ человекъ. Правда, войска были отличная, одушевленные молодецкимъ духомъ, но и семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ турокъ были, по слухамъ, воспламенены въ высшей степени релігіознымъ фанатизмомъ и дикою энергіей. Понятнымъ, послѣ этого, становится тревожное настроеніе приближенныхъ къ императору лицъ. Фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ первый раздѣлялъ общее безпокойство: онъ высказалъ Дибичу искреннее сожалѣніе о томъ, что не воспользовался своими правами главнокомандующаго при откры-

тии кампаніи, и прибавилъ, что теперь намѣренъ снять съ себя отвѣтственность, уступить ему главное начальство при такихъ обстоятельствахъ, когда одинъ необдуманнѣй шагъ впередъ можетъ погубить армію... Между фельдмаршаломъ и начальникомъ главнаго штаба произошло жаркое объясненіе. Когда о сущности столкновенія доложено было государю, его величество выслушалъ того и другаго и пожелалъ узнать подробности двухъ противоположныхъ мнѣній, представителями которыхъ были Витгенштейнъ и Дибичъ.

Фельдмаршалъ утверждалъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, всего лучше было бы утвердиться прочно въ дунайскихъ княжествахъ, ограничиться занятіемъ Болгаріи до Траянова вала и господствовать надъ устьями Дуная и всѣмъ черноморскимъ берегомъ до Кюстенджи, ибо три крѣпости, Силистрія, Шумла и Варна, могли быть взяты только во вторую кампанію и притомъ другою дѣйствующею арміею.

Дибичъ, ссылаясь на свое короткое знакомство съ положеніемъ непріятеля, упрямо отстаивалъ свой планъ кампаніи и необходимость его исполненія. Онъ говорилъ, что турецкая армія, несмотря на свой численный перевѣсъ, не устоитъ противъ русской арміи, предводимой императоромъ, и что несомнѣнное разбитіе Гуссейна-паши будетъ имѣть послѣдствіемъ почти одновременное открытіе воротъ трехъ крѣпостей, запиравшихъ дорогу въ Константинополь.

Витгенштейнъ, отвѣчая на счастливыя предсказанія начальника главнаго штаба, который желалъ бы принять съ радостію, объявилъ рѣшительно, съ авторитетомъ многоиспытаннаго боеваго генерала, что если и допустить разбитіе турецкой арміи въ генеральномъ сраженіи, то взятіе трехъ крѣпостей все-таки потребовало бы пятидесяти тысячъ человѣкъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ осады. Фельдмаршалъ прибавилъ, что, и по овладѣніи Силистріею, Шумлою и Варною, надобно употребить не менѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ для форсированія линіи Балкановъ и похода къ Константинополю.

Столь важныя и щекотливыя вопросы были обсуждены еще разъ на военномъ совѣтѣ, въ присутствіи императора, вечеромъ 7-го іюля. На этомъ совѣтѣ было, между прочимъ, высказано, что государь, со дня на день, можетъ подвергнуться опасности быть окруженнымъ, между Варною, Силистріею и

Шумлю, вшестеро сильнѣйшимъ неприятелемъ, подобно Петру Великому, на берегахъ Прута, въ 1711 году.

— „Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія“ — произнесъ императоръ съ полнымъ спокойствіемъ — „если бы я имѣлъ несчастье попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многозначительныя слова сенату моего прапрадѣда: „если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, и хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо“.

Это историческое напоминаніе, столь приличное въ настоящемъ случаѣ, произвело глубочайшее впечатлѣніе на присутствующихъ.

Императоръ закрылъ засѣданіе, сказавъ, что резервъ военныхъ поселеній не замедлитъ вступить въ дунайскія княжества для усиленія состава окупаціонной арміи и что гвардейскій корпусъ придетъ подъ Шумлу въ половинѣ августа. До тѣхъ же поръ, дѣйствующая армія, сосредоточеніе которой совершалось безпрепятственно, была, по мнѣнію его величества, сильна на столько, чтобы помѣряться со всѣми силами Гусейна-паши и предпринять одновременно осаду Шумлы, Силистріи и Варны.

Увѣренность императора мгновенно сообщилась всѣмъ и каждому; Витгенштейнъ и Дибичъ примирились, повидимому, или, по крайней мѣрѣ, прекратили свои споры и обоюдныя пререканія. Государь объявилъ, что завтра, 8-го іюля, послѣдуетъ общее движеніе къ Шумлѣ, чтобы рекогносцировать силы противника, атаковать его и занять позицію впереди его ретраншаментовъ.

Въ пять часовъ утра, седьмой корпусъ, подъ начальствомъ графа Дибича, двинулся по окраинѣ горъ, примыкающихъ къ той терасѣ, на которой построена Шумла. Другія колонны, предводимыя лично императоромъ, выступили изъ Енибазара спустя часъ. Три бригады 9-й пѣхотной дивизіи, эшелонированыя со своею артилеріей, образовывали авангардъ, подъ командою генерала Рудзевича, и, готовыя поддержать другъ друга, сообразовались въ своихъ движеніяхъ съ движеніемъ седьмого корпуса, который слѣдовалъ по лѣвую сторону ихъ. За вторымъ эшелономъ авангарда шли 15-й и 16-й егерскіе полки, съ двѣнадцатью орудіями, подъ командою генераль-

адъютанта Александра Белькендорфа. Императоръ, окруженный своею свитою, находился въ главѣ этихъ двухъ полковъ, всегда готовыхъ построиться, въ каре, чтобы принять и охранить государя въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Вправо отъ императора и его конвоя, три гусарскихъ полка дивизіи генерал-лейтенанта Ридигера слѣдовали впереди резервной артилеріи, состоявшей изъ ста восьми орудій и прикрываемой бригадою 8-й дивизіи, имѣя по правую сторону конныхъ егерей генерал-адъютанта графа Орлова. Одна пѣхотная бригада, со своими орудіями, двигалась въ арьергардѣ, какъ прикрытіе обоза. На крайнемъ правомъ флангѣ, генералъ Сысоевъ, съ казаками, наблюдалъ силистрійскую дорогу.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ наступали войска, не встрѣчая непріятеля на пространствѣ десяти-двѣнадцати верствъ, по мѣстности пересѣкаемой грядami возвышенностей, которыя, въ свою очередь, перерѣзывались ручьями и глубокими оврагами. Турецкіе передовые посты отступали при приближеніи русскаго авангарда; вдали видѣлись всадники въ бѣлыхъ чалмахъ, поставленные ведетями на высотахъ. Только въ семи верстахъ не доходя до Шумлы, авангардъ, поднявшись на высоту, командуемую деревнею Буланлыкъ, замѣтилъ турецкую конницу, большею частію регулярную, расположенную эшелонами на противоположномъ холмѣ, въ числѣ приблизительно десяти тысячъ лошадей. Непріятель отвелъ свой правый флангъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ корпусомъ графа Дибича, еще не окончившимъ движенія; артилерію свою турки скрыли за кустарниками; центръ расположили позади болотистаго, труднодоступнаго ручья; лѣвый же флангъ старались вытянуть за линію казаковъ, которые служили связью между главными силами и отрядомъ генерала Сысоева.

Было около одиннадцати часовъ утра.

Императоръ приказалъ остановить всѣ колонны, чтобы дать время седьмому пѣхотному корпусу обойти правый флангъ турокъ и довершить это рѣшительное движеніе. Пока обѣ стороны готовились сойтись, завязалась схватка между казаками и курдами на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ.

Хладнокровно, съ увѣренностію опытнаго военачальника, отдавалъ государь приказанія и распоряжался такъ покойно, какъ будто дѣло шло о простомъ парадномъ маневрѣ. Въ полдень онъ велѣлъ начать общую атаку.

Артилерія открыла огоньъ противъ ближайшихъ линій кавалеріи; двѣ бригады егерей, предводимыя генераломъ Рудевичемъ, бросились бѣглымъ шагомъ къ ручью, представлявшему довольно трудную преграду, чтобы, переправясь черезъ него, ударить въ штыки на центръ непріятельской конницы; но турецкіе всадники, не имѣя при себѣ ни одного баталіона пѣхоты, не дождались егерей и отступили на высоты, занятыя резервными эскадронами. Въ то же время графъ Дибичъ, начавшій атаку, на правомъ флангѣ турокъ, канонадою, которая однако не причиняла вреда по причинѣ слишкомъ большаго разстоянія, наступалъ противъ ихъ фронта и фланга. Непріятель, въ эту минуту, демаскировалъ свою артилерію и сталъ обстрѣливать открытую покатою холма, на который взбирались войска седьмаго корпуса, встрѣчая бѣглымъ огнемъ безпрестанныя атаки конницы. Здѣсь былъ сраженъ ядромъ въ грудь флигель-адъютантъ полковникъ Реадъ въ тотъ самый моментъ, когда наводилъ два орудія, которыя государь приказалъ ему поставить на назначенномъ мѣстѣ. Смерть полковника Реада, офицера достойнаго, известнаго своею храбростію, такъ опечалила императора, что онъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Вотъ побѣда, за которую я заплатился слишкомъ дорого!

Побѣда была дѣйствительно одержана: непріятель нигдѣ не могъ удержаться противъ нашей артилеріи; правый флангъ его оставилъ позиціи, взятыя и занятыя войсками седьмаго корпуса, которыми провознали пушечными выстрѣлами турецкіе всадниковъ, скакавшихъ во весь опоръ. Въ центрѣ, егеря, переправясь черезъ ручей безъ всякой потери, уже не нашли противника, и застрѣльщики, рассыпавшіеся по высотамъ, за которыми скрылась непріятельская конница, встрѣтили лишь нѣсколько отдѣльныхъ всадниковъ, оставленныхъ для наблюденія за движеніями русской арміи. Но непріятель направилъ всѣ свои усилія противъ нашего праваго фланга, который старался обойти, перестрѣливаясь съ казаками. Императоръ, сойдя съ коня на холмѣ, откуда могъ объять однимъ взглагомъ всѣ подробности боя, приказалъ подкрѣпить правый флангъ тремя гусарскими полками и всею конно-егерскою дивизіей, съ двѣнадцатью орудіями: турки не дождались однако натиска русской кавалеріи и отступили теропливо.

Около двухъ часовъ пополудни, непріятель пытался воз-

становить бой. Возвратившись со своею артилеріей, онъ направилъ ее противъ атаки праваго и лѣваго фланга; но огонь турокъ, довольно живой, не имѣлъ успѣха противъ конныхъ егерей и гусаровъ, равно какъ остались безплодными и стремительныя атаки турецкой конницы на пѣхоту седьмаго корпуса. Нѣсколько залповъ картечью окончательно разстроили турокъ: отказавшись отъ овладѣнія потерянными позиціями, они не удержались даже на тѣхъ, которыя занимали, и были отброшены подъ стѣны Шумлы, гдѣ отоманская армія, по-прежнему, оставалась неподвижною за своими оборонительными верками.

Въ этомъ чисто-стратегическомъ дѣлѣ, движенія русской арміи были исполнены въ такомъ порядкѣ и съ такою точностію, какъ будто она дѣйствовала на полѣ маневровъ. Государь, внимательно слѣдившій за движеніями войскъ и распоряжавшійся ими, остался весьма доволенъ полученнымъ результатомъ и сказалъ, что всѣ добросовѣстно исполнили свой долгъ.

— „Потому что ваше величество сами подавали примѣръ всемъ намъ!“ отвѣчалъ Александръ Бенкендорфъ.

Турки потеряли до пяти сотъ человекъ. Уронъ русскихъ не превышалъ тридцати или сорока убитыхъ и восьмидесяти раненыхъ.

Въ четыре часа пополудни, крайній лѣвый флангъ графа Дибича овладѣлъ дорогою, ведущею изъ Шумлы въ Константинополь, чрезъ Эски-Стамбуль; главныя силы арміи расположились при деревнѣ Буланлыкъ; аванпосты ея заняли высоты, оставленныя турками. Здѣсь императоръ приказалъ разбить свои палатки. Онъ объѣхалъ всѣ ряды войскъ, благодарилъ солдатъ, велѣлъ имъ раздать табакъ и воды и объявилъ, что проведетъ съ ними ночь на бивуакѣ.

Въ эту ночь государь позволилъ себѣ впрочемъ кратковременный отдыхъ, потому что собиралъ на совѣтъ фельдмаршала, начальника главнаго штаба и другихъ генераловъ. Рѣшено было предупредить наступательное движеніе Гусейнаши занятіемъ высотъ простирающихся до Шумлы, и построить здѣсь систему редутовъ, которые, въ случаѣ нужды, могли бы поддерживать другъ друга, такъ какъ получены были, наконецъ, достовѣрныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля и о его положеніи въ укрѣпленномъ шумлинскомъ лагерѣ.

Турецкій лагерь, или, точнѣе, лагери вмѣщали въ своей

чертъ всѣ высоты, командующія городомъ, и заключали въ себѣ не менѣе восьмидесяти тысячъ человекъ, между которыми регулярныхъ войскъ было только двадцать тысячъ. Городъ Шумла, обороняемый неодолимыми укрѣпленіями, имѣлъ, кромѣ того, двадцатипятитысячный гарнизонъ и могъ разсчитывать на дѣятельную поддержку жителей въ случаѣ продолжительной осады. Какъ важно было покореніе такого города, явствуется изъ того, что Шумла могла служить базой операціямъ турецкой арміи, имѣвшей возможность и поддерживать крѣпости на Дунаѣ, и взять во флангъ тѣ русскія войска—какъ бы они ни были многочисленны—которыя перешли бы Балканы по другой дорогѣ. Слѣдовательно, нужно было непременно овладѣть Шумлою, чтобы перебросить за Балканы армію для движенія въ Константинополь.

Въ ночь съ 8-го на 9-е іюля начали укрѣплять позицію, потерянную турками; приступили также къ постройкѣ редутовъ, долженствовавшихъ сдѣлать невозможными наступательныя дѣйствія непріятеля. Императоръ самъ назначилъ, на картѣ, мѣсто этимъ редутамъ, и самъ сдѣлалъ первый ударъ киркою для рва перваго редута, который былъ окруженъ земляными верками и вооруженъ орудіями большаго калибра. Работы продолжались безостановочно четыре ночи сряду; непріятель не мѣшалъ имъ ни вылазками, ни пальбою по рабочимъ, хотя каждое утро видѣлъ новые редуты, приближавшіеся къ его ретраншаментамъ и уже грозившіе имъ сосредоточеннымъ огнемъ, который дальнострѣльная артилерія могла открыть съ минуты на минуту. Въ нашемъ лагерѣ удивлялись такому безстрастному равнодушію противника тѣмъ болѣе, что, въ прежнія кампаніи, турки упорно и настойчиво оспаривали каждый шагъ земли въ окрестностяхъ Шумлы. Слѣдовало ли предполагать, что осада крѣпости не будетъ ни столь продолжительна, ни столь тяжела, какъ предвидѣли умы осторожные? Или это была, со стороны Гуссейна-паши, хитрость, чтобы утвердить русскихъ въ пагубной самоувѣренности и навести ихъ на тотъ трудный путь, гдѣ они не имѣли бы выгодъ ни числа, ни позиціи, ни момента?...

Какъ бы то ни было, Дибичъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, упорствовалъ въ мнѣніи своемъ о благопріятномъ и скоромъ исходѣ кампаніи.

Почти трехнедѣльное пребываніе императора Николая подъ

Шумное послужило европейскимъ газетамъ поводомъ ко многимъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ въ сущности, но болѣе или менѣе прикрашеннымъ рассказамъ, въ которыхъ государь игралъ интересную роль. Рассказы эти доказывали, съ какимъ любопытствомъ глаза Европы были обращены тогда на мужественнаго монарха, который дѣлилъ труды и опасности со своими солдатами въ тяжелой борьбѣ не только противъ турокъ, но и противъ климата, всякаго рода лишеній и болѣзней. Рассказывали, на примѣръ, что императоръ, сохранившій и въ дѣйствующей арміи привычки къ строгому порядку и точному исполненію службы, часто ходилъ, утромъ и вечеромъ, въ сопровожденіи лишь одного флигель-адъютанта, по всему бивуаку и посѣщалъ даже аванпосты, рискуя столкнуться съ непріятельскою партіей. Разъ вечеромъ, онъ замѣтилъ, что на одномъ изъ передовыхъ постовъ не было часового; но ружье и ранецъ лежали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ часовой. Государь полагалъ, что часового сняли турки, какъ вдругъ услышалъ жалобные стоны, выходившіе изъ кустарниковъ сосѣдняго лѣса. Направившись туда, онъ увидѣлъ солдата, который лежалъ на землѣ, стоналъ и, по видимому, былъ боленъ.

— Ты раненъ? закричалъ ему государь издали.

— Ваше величество!... проговорилъ солдатъ, узнавшій императора по голосу и усиливаясь приподняться.

— Зачѣмъ ты оставилъ свой постъ? спросилъ его императоръ строгимъ голосомъ.

— Ради Господа Бога, не извольте подходить ко мнѣ, ваше величество! У меня чума, и я скоро умру....

— Нѣтъ, ты не умрешь! возразилъ императоръ. — Мы вылечимъ тебя, а потомъ ты расскажешь военному суду, почему сошелъ съ часовъ въ виду непріятеля.

(Продолженіе будетъ.)